

Но Сяо Яньцзы сразу всё поняла: Фу Эركان вовсе не за тем пришёл, за чем сказывал. Говорил, будто приносит угощение для неё, но всё явно было по вкусу Цзывэй. К тому же в последнее время атмосфера между ними царила странная — Цзывэй явно избегала Фу Эркана.

Вдобавок ко всему Бэньцземин то и дело заглядывал в Беседу Ароматных Трав, чтобы нарисовать портрет Сяо Яньцзы, утверждая, что она прирожденная модель. Раз уж ей всё равно запрещены резкие движения и, если округлить, она всё равно что прикована к месту, разве она не идеальная готовая натурщица?

Сегодня был день, когда Сяо Яньцзы снимали лубки. В Беседе Ароматных Трав по-прежнему толпился народ, и от такого всеобщего внимания Сяо Яньцзы даже смутилась:

— Ладно вам, не стоит поднимать такую панику.

Императорский лекарь Чан подошел, осмотрел рану Сяо Яньцзы и аккуратно снял повязку и лубки.

— Княжна восстанавливается прекрасно, сломанная рука почти срослась, однако помните: запрещено поднимать тяжести и излишне нагружать левую руку.

Сяо Яньцзы кивнула, показывая, что всё запомнила. Затем она слегка пошевелила рукой — привычное стеснение исчезло, уступив место долгожданной лёгкости.

— Как замечательно, Сяо Яньцзы, ты скоро совсем поправишься! — обрадовалась Цзывэй. Все те дни, пока Сяо Яньцзы болела, она переживала больше всех, страшно боясь, как бы с подружкой чего не случилось, и теперь наконец могла вздохнуть с облегчением.

— Сяо Яньцзы, твоя рана зажила вовремя, через три дня как раз состоится Праздник фонарей, сможешь мастерить их вместе с нами, — тоже порадовалась за неё Циньэр.

С тех пор как княжна Цин вернулась во дворец, она сильно заинтересовалась историей Сяо Яньцзы и Цзывэй, а потому часто навещала Сяо Яньцзы в Беседе Ароматных Трав. Одаренная и прекрасная, с открытым и щедрым характером, она быстро нашла общий язык с двумя ровесницами, и они превратились в неразлучных подруг.

— Праздник фонарей? Это когда пускают фонарики по воде? — Сяо Яньцзы широко распахнула глаза и вопросительно моргнула. Она уже слышала от Четырех талантливых юношей и Трех красавиц Беседы Ароматных Трав о каких-то водных фонарях, и, судя по всему, это было связано как раз с Праздником фонарей.

— Праздник фонарей — очень важный обряд праздника Середины лета, — объяснил Эртай, немного помедлив. — В этот день не только приглашают монахов из храма для проведения молебнов во дворце, но и сжигают бумажные кораблики, а также пускают по воде лotosовые фонари. Но самое интересное, — добавил он, помолчав, — это пускать фонарики на Тайечи.

— Сколько лет живу в Китае, а это мой самый любимый праздник, — подхватил Бэньцземин. — Особенно когда смотришь на рябь озера Тайечи и мерцание свечей в фонариках — просто неопишуемая красота! Лао-фо-е в тот день даже выбирает три лучших фонаря среди работ наложниц, княжон и принцев, чтобы наградить создателей.

— Вот здорово! Я, Сяо Яньцзы, тоже сделаю фонарик-ласточку и обязательно займу первое место! — воодушевленно воскликнула Сяо Яньцзы и уже собиралась засучить рукава, но Цзи Чжичэн крепко ухватил её за левую руку.

— Ты чего это хватаешь меня? — Сяо Яньцзы вспыхнула от смущения и досады — вокруг ведь столько людей!

— Сяо Яньцзы, твоя правая рука еще не до конца зажила, и если бы не я, ты бы наверняка снова покалечилась, — с некоторой досадой вздохнул Цзи Чжичэн. Из-за её вечной торопливости и беспечности он ни на минуту не мог оставить её без присмотра — иначе было просто страшно.

Сяо Яньцзы смущенно поскребла в затылке:

— Я просто обрадовалась, сгоряча и не подумала... К тому же, разве не ты за мной приглядываешь? — под конец её голос зазвучал вполне уверенно.

Наставник Сяо Цзи контролировал не только то, как она читает и пишет, но даже следил, вовремя ли она принимает лекарства — и впрямь брал на себя всё больше хлопот. Подумав об этом про себя, Сяо Яньцзы не почувствовала ни малейшего раздражения, наоборот, ей даже было приятно такое внимание.

— Ах ты, горе луковое, императорский лекарь только что велел беречь руку. Ну и хлопотная же ты девчонка, ни на секунду нельзя оставить в покое.

— Знаю-знаю, наставник Сяо Цзи, перестаньте ворчать, у меня от ваших нравоучений уже уши вянут! — Сяо Яньцзы демонстративно прикрыла уши руками.

— Ладно-ладно, не буду ворчать, — Цзи Чжичэн мягко опустил её руки вниз. — Я не запрещаю тебе мастерить фонари, только будь осторожнее, понимаешь?

Голос Цзи Чжичэна звучал необычайно нежно, и Сяо Яньцзы послушно кивнула. Все остальные прекрасно всё понимали, и лишь Юнци чувствовал себя не в своей тарелке: надо же, Цзи Чжичэн прямо у него на глазах пытался увести его сестру.

— Цзывэй, я сделаю фонарик в виде цветка цзывэй, фонарик-ласточку и еще один — солнышко! — три девушки сидели тесным кружком, а стол перед ними был усеян материалами для изготовления фонарей.

— Цветок цзывэй и ласточку я еще понимаю, а солнышко — это как? — недоуменно поинтересовалась Циньэр.

— Конечно же, ты! Разве Циньэр — не наше маленькое солнышко? — Цзывэй слегка улынулась, обнажив две очаровательные ямочки на щеках.

— Точно, Циньэр, мы же лучшие подруги, как же без тебя! — Сяо Яньцзы обняла обеих сразу. От Цзывэй и Циньэр вкусно пахло, и они были такие мягкие — ну кто откажется потискаться с красавицами?

— Ладно, Сяо Яньцзы, давай быстрее приниматься за дело, а когда закончим, сделаем еще по фонарику для Императрицы-Матушки и Лао-фо-е, чтобы помолиться об их здоровье, —

предложила Цзывэй.

Циньэр и Сяо Яньцзы горячо поддержали идею, и девушки принялись за работу.

Пальцы Циньэр и Цзывэй были на редкость ловкими, и вскоре уже вырисовывались очертания двух изящных фонариков.

— Циньэр, а ты какой фонарь мастерить? Вроде совсем не похоже на солнышко, — наблюдая за мелькавшими пальцами Циньэр, засомневалась Сяо Яньцзы.

Циньэр смущенно улыбнулась:

— Сяо Яньцзы, это лунный фонарик.

— Лунный фонарик? Так он же идеально подходит к солнышку, прямо пара! — глаза Сяо Яньцзы загорелись, и она здоровой рукой обняла Циньэр за плечи. — Ну-ка признавайся, кому ты его подаришь?

Циньэр потупилась, а щеки её порозовели:

— Сяо Яньцзы, ну перестань...

В тот день после полудня в Императорском саду стояла прекрасная погода. Циньэр с изготовленным ею лунным фонариком в руках радостно направлялась в Беседу Ароматных Трав.

Едва приблизившись к пруду с лотосами, она увидела спешно шагавшего навстречу Фу Эркана, который явно прятал что-то в руках.

— Эркан! — глаза Циньэр блеснули, и она ускорила шаг.

Услышав оклик, Эркан резко замер и, обернувшись, заметил Циньэр; на его лице мелькнула растерянность.

Он машинально попытался спрятать за спину то, что держал, но наружу всё равно выбилась ярко-лиловая кисточка.

— Цин... Циньэр, — Эркан выдавил из себя неловкую улыбку.

Циньэр подошла ближе и протянула свой лунный фонарик:

— Я как раз собиралась тебя искать. Держи, сама сделала. Пусть до мастерства Внутреннего ведомства далеко, зато от всего сердца.

Говоря это легко и непринужденно, она невольно скользнула взглядом у него за спиной. Этот лиловый оттенок... Цзывэй любила его больше всего.

— Циньэр... — кадык Эркана дернулся, он отвел глаза. — Я как раз хотел с тобой поговорить. Присядем в той беседки?

Улыбка на лице Циньэр немного померкла, но она кивнула:

— Хорошо.

Они друг за другом вошли в беседку неподалеку. В полуденном Императорском саду стояла тишина, нарушаемая лишь шуршанием ветра в листве.

Эркан остановился у каменного табурета и, немного помедлив, наконец достал то, что прятал за спиной.

Это был фонарик в виде цветка цзывэй. Лепестки нежного лилового оттенка казались тонкими, как крылья цикады, в серединке красовалась капелька бледно-желтого цвета, а кисточки переливались разными тонами фиолетового, отражая мягкий солнечный свет. Любой сразу понял бы, сколько труда вложено в эту работу.

Взгляд Циньэр упал на фонарик, а затем медленно переместился на простенький лунный фонарик в её собственной руке. Вдруг ей показалось, что её работа выглядит нелепо и жалко.

Подняв глаза на Эркана, она встретила с ним взглядом. В глазах Эркана читалась водянистая нежность, но заготовленные слова вдруг застряли в горле — произнести их оказалось не так-то просто. Он несколько раз открывал рот, но так ничего и не вымолвил.

— Эркан, фонарик очень красивый, — прервала молчание Циньэр, её голос звучал беспристрастно. — Наверное, для Цзывэй?

— ...Да, — Эркан опустил глаза. — Это её любимый цветок, я...

— Можешь не объяснять, — перебила она и положила свой лунный фонарик на каменный стол. На фоне серого камня белая бумага фонаря выглядела одиноко и сиротливо. — Я просто не понимаю одного, Эркан. Если ты по-настоящему полюбил Цзывэй, мог бы сказать мне прямо. Зачем было так кружить и скрывать?

Она подняла ясный взгляд:

— Из чувства вины передо мной? Или потому, что сам толком не разберешься: любишь ли ты Цзывэй по-настоящему или потому, что она — родная дочь Императора и внучка Лао-фо-е?

Эркан резко вскинул голову:

— Нет! Мои чувства к Цзывэй искренни...

— А ко мне? — тихо спросила Циньэр. — В прошлый день рождения ты полчаса простоял под самым высоким кустом белой магнолии в Императорском саду, чтобы сорвать для меня лучшую ветку. Тогда ты сказал, что эти цветы созданы для меня. Позапрошлым Праздником

Середины осени ты через людей передал извне вращающийся фонарь, стоило мне лишь вскользь упомянуть, что мне любопытны вещицы простого народа. Разве это не было искренне?

Она посмотрела вдаль, словно вспоминая прошлое:

— А та зима, когда я простудилась? Ты каждый день возвращал службу вокруг Цынингун только для того, чтобы через евнуха справиться: «Как поживает княжна Цин?» Неужели всё это было лишь моим заблуждением?

— Тогда я действительно... — голос Эркана звучал сдавленно.

— Значит, тогда было искренне, а теперь — нет? — Циньэр слегка покачала головой. — Эрган, я не трехлетний ребёнок. Настоящие чувства не меняются так быстро. Ты не разлюбил меня — ты просто никогда не умел заглянуть в собственное сердце.

Она сделала паузу, и уголки её губ тронула едва заметная усмешка:

— Или, вернее сказать, ты слишком хорошо знаешь, чего хочешь. Тебе нужен идеальный выбор: чтобы и взаимная любовь, и родовитая пара. Чтобы и страсть, и блестящее будущее. Цзывэй идеально подошла под эти требования, не так ли?

Лицо Эркана побледнело, он не нашелся что ответить.

— На самом деле тебе не стоило так поступать, — голос Циньэр стал тише. — Скажи ты мне сразу, что увлекся Цзывэй, я бы, конечно, огорчилась, но отпустила бы. Зачем же было тянуть, одной рукой сохраняя между нами негласное понимание, а другой ухаживая за Цзывэй? И только когда я сама всё увидела, ты вспомнил, что мне нужно объяснение.

Циньэр снова замолчала, а потом продолжила:

— Эрган, это нечестно ни по отношению ко мне, ни к Цзывэй.

Она достала из рукава лунно-белый атласный мешочек для благовоний с искусно вышитыми парами лотосов — мелкие стежки выдавали кропотливый труд.

— Я долго вышивала этот мешочек, — Циньэр нежно провела пальцами по узору. — Хотела найти подходящий момент, чтобы подарить тебе. Теперь вижу — не нужно.

— Наше знакомство длилось десять лет, на этом и закончим. Отныне мы — самые обычные знакомые, и я по-прежнему буду считать тебя другом. Тебе незачем терзаться чувством вины, а я не собираюсь цепляться за прошлое.

С этими словами Циньэр круто повернулась, собираясь уйти.

— Циньэр! — сердце Эркана сжалось от боли, и он машинально бросился следом, ухватив её за рукав.

В этот момент в его душе царил полный хаос: он боялся причинить ей слишком сильную боль,

но в то же время опасался, что огласка повредит и ему, и Цзывэй.

Циньэр остановилась, не оборачиваясь, и холодно произнесла:

— Эркан, ты так ничего и не понял. Мне не важно, какое блестящее будущее ты можешь получить, и не волнует, взлетишь ли ты до небеш. Для меня всегда имело значение лишь одно: чтобы рядом был человек, который при любых обстоятельствах выберет меня, а не станет взвешивать выгоду ради «самого правильного» решения.

Её слова растворились в дуновении ветра.

Резко дернув руку, она вырвала рукав из хватки Эркана и, больше не колеблясь, с прямой спиной быстро зашагала прочь от места, где разбилось её сердце.

А тщательно смастеренный ею лунный фонарик остался лежать на земле — никому не нужный.

Чуть дальше за углом галереи Цзывэй стояла бледная, прислонившись спиной к резному столбу. Она возвращалась из Дворца Цзинжэнь в самом радостном расположении духа, бережно прижимая к груди коробочку с печеньем от Императрицы, и никак не ожидала стать свидетелем этой сцены.

Фраза Эркана «Это для Цзывэй» и его заверения в искренности чувств должны были привести её в восторг, но слова Циньэр отчетливо звенели в ушах.

Про ветку магнолии, про вращающийся фонарь, про те годы мимолетных знаков внимания. Вдруг коробочка в её руках показалась невыносимо тяжелой, а в груди стало так тесно, что не хватало воздуха.

Она не смела слушать дальше и страшилась того, что они её заметят. Развернувшись, она бросилась прочь по другой дорожке, спотыкаясь и панически спеша.

Эркан ошеломленно сидел в беседке, провожая взглядом удаляющуюся фигуру Циньэр, пока та не скрылась за искусственной горкой. Затем он опустил глаза на изящный фонарик в собственной руке, и на сердце у него стало тяжело от смеси чувств.

Его влечение к Цзывэй и расчеты на будущее были подлинными, но боль и вина, причиненные Циньэр, ранили ничуть не меньше.

Он вовсе не был бессердечным — просто на этом перекрестке чувств выбрал путь, который казался ему желаннее и, пожалуй, «правильнее».

Долгое время он неподвижно сидел в одиночестве, а затем тяжело поднялся и ушел, так и не вспомнив про брошенный лунный фонарик.

В Императорском саду снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь шуршанием ветра в листве.

Спустя долгое время из-за тени деревьев протянулась сильная рука с отчетливо выделяющимися суставами и бережно подняла с земли поврежденный лунный фонарик. Незнакомец аккуратно стряхнул пыль с ткани, действуя нежно и трепетно.

Он посмотрел в сторону, куда ушла Цинъэр, затем перевел взгляд на темнеющее небо, и в глубине его глаз мелькнуло сложное выражение.

Вернувшись в Дворец Цынингун, Цинъэр не показала и вида, что что-то не так. Она даже улыбнулась дежурившим у дверей служанкам и только потом толкнула дверь.

Как только створки затворились, она медленно сползла по двери на пол, прижавшись к ней спиной. Подтянув колени к груди, она спрятала лицо в сгибе локтей, а её хрупкие плечи едва заметно вздрагивали. И всё же плакала она беззвучно, стараясь дышать легко и ровно.

Она носила фамилию Айсингъоро и была воспитанницей самой Лао-фо-е.

Её гордость и благородное воспитание не позволяли ей проявлять слабость из-за мужчины. Часть боли суждено было оставить ночи, чтобы таила её в тишине.

Ночь сгущалась, и свечи в уютных покоях Дворца Цынингун заливали комнаты мягким светом.

Цинъэр помогала Лао-фо-е снимать шпильки и украшения, двигаясь мягко и осторожно. Хотя она уже прикладывала к глазам лед, легкая припухлость всё еще выдавала недавние слезы.

Лао-фо-е наблюдала в зеркале за девушкой, которую вырастила своими руками, и в душе уже обо всём догадывалась.

Старшая нянюшка Гу заходила еще с вечера с докладом: говорила, что по возвращении из Императорского сада Цинъэр заперлась в комнате и почти не притронулась к ужину.

Сейчас, видя её попытки казаться невозмутимой, Лао-фо-е испытывала одновременно жалость и гордость. Ей было жаль, что девочка пострадала от несправедливости, но радовало, что та сохранила рассудок и не потеряла лицо на людях.

— Цинъэр, — тихо позвала Лао-фо-е, и голос её звучал мягче обычного.

— Слушаю, — Цинъэр подняла голову, на её губах играла привычная слабая улыбка. — Лао-фо-е, я делаю больно?

— Нет, — Лао-фо-е повернулась и взяла её за руку. — Поди сюда, посиди со мной, поболтай.

Цинъэр послушно опустилась на низкую скамеечку, слегка опустив голову — это было её излюбленное место с самого детства.

Старшая женщина внимательно вглядывалась в её лицо, протянув руку и легонько проведя пальцем по уголку глаз:

— Что с глазами? Неужели во дворец задул сильный ветер и соринка попала?

Циньэр машинально хотела отпрянуть, но вовремя сдержалась. Она прикусила губу и тихо ответила:

— Наверное... от ветра.

— Вот как? — голос Лао-фо-е оставался спокойным. — А до меня дошли слухи, что ты повстречала в Императорском саду Эркана, а вернувшись, заперлась в комнате и никого не пускала.

Плечи Циньэр слегка дрогнули.

В просторном зале воцарилась тишина — был слышен лишь мерный стук водяных часов.

— Скажи мне правду, обидел он тебя? — Лао-фо-е сжала её ладонь, и в её тоне сквозила материнская забота.

Циньэр сжала пальцы в замок. Глубоко вздохнув, она подняла голову — глаза её снова покраснели:

— Он сказал... будто то, что было три года назад на горе Утайшань, — всего лишь детская глупость, и просил не принимать близко к сердцу.

В глазах Лао-фо-е мелькнуло жесткое выражение.

— И что теперь его сердце... занято другой, по-настоящему. И просил прощения, если раньше вводил меня в заблуждение.

Всё было сказано безупречно вежливо, по всем правилам этикета — придаться не к чему.

— И только из-за этого? — Лао-фо-е испытующе посмотрела на неё. — С каких это пор выращенная мной княжна Цин так легко ломается?

Слёзы брызнули из глаз Циньэр водопадом. Она поспешно утёрла их рукавом, с трудом выдавливая слова:

— Нет... вовсе не из-за этого.

— Тогда из-за чего же? — голос Лао-фо-е звучал мягко и участливо. — Говори всё, что у тебя на душе.

Циньэр вытерла слёзы и лишь спустя несколько минут заговорила — тихо, но отчетливо:

— Лао-фо-е, я злюсь не на то, что он полюбил другую. Сердцу не прикажешь. Скажи он мне прямо: «Я полюбил Цзывэй», — я бы зауважала его за честность.

Она помедлила, в голосе её прорезалось упрямство:

— Но он не посмел. Стоял передо мной с таким страдальческим видом, мялся, не зная, как

подступиться. Будто отказать мне — это какое-то страшное преступление, а я настолько хрупкая, что не вынесу правды.

Упомянув об этом, Циньэр снова расплакалась. В памяти всплыла та лунная ночь трех лет назад в горной обители Утайшаня, когда они с Эрканом плечом к плечу любовались снегом, рассуждали о стихах и строили планы на будущее.

Тогда ей едва исполнилось шестнадцать — пора первых робких чувств. Накануне возвращения во дворец Лао-фо-е в шутку спросила, не хочет ли она сыграть свадьбу. Застенчиво покраснев, она шепнула: «На волю Лао-фо-е», — переполненная тайной радостью.

А теперь...

— Значит, тогда это было искренне, а сейчас — нет? — голос Циньэр дрожал. — Лао-фо-е, я не ребёнок. Настоящие чувства не могут остыть так быстро.

Она вскинула голову, сквозь пелену слёз её взгляд светился чистотой:

— Тот Эркан, которого я полюбила, — тот самый парень на горе Утайшань, готовый говорить о чём угодно, а не этот невнятный Фу Эркан, боящийся ранить моё самолюбие. Пытаясь защитить меня от правды, он тем самым принизил меня в собственных глазах.

Лао-фо-е молча слушала, в её глазах читались одобрение и смесь горечи. Ей вспомнилась та пятилетняя девочка, появившаяся четырнадцать лет назад на пороге Дворца Цынингун в белых одеждах траура, робкая и напуганная.

После гибели родителей усатого князя она взяла ребенка к себе и занялась её воспитанием лично. Четырнадцать лет она наблюдала, как эта малышка, ночами кусавшая одеяла от тоски по родителям, превратилась в безупречную княжну Цин, сохранившую при этом чистое и открытое сердце.

— Хорошо сказано, — Лао-фо-е легонько похлопала её по руке. — В этом ты вся моя внучка.

— Я плачу не по нему, — Циньэр смахнула последние слёзы, и голос её окреп. — Мне стыдно, что я позволила себе потерять контроль из-за такого человека. И обидно: если он хоть каплю дорожил мной, то должен был знать — мне нужна правда и прямота, а не его подачки в виде жалости.

Она облегченно выдохнула, словно сбросив тяжкий груз:

— У него свой путь, а у меня своя гордость. С этой минуты наши дороги расходятся навсегда.

Лао-фо-е внимательно посмотрела на неё и вдруг улыбнулась:

— Действительно отпустила?

— Действительно, — Циньэр кивнула и ответила искренней улыбкой, хотя глаза всё еще оставались красными. — Оказывается, высказаться вслух приносит такое облегчение.

— Вот и славно.

<http://bllate.org/book/22028/2290211>